

ОТЗЫВ

официального оппонента Н.А. Симбирцевой о диссертации Н.Н. Бединой «Эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах», представленной на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Осмысление ценностей отечественной культуры к настоящему времени имеет сложившиеся традиции в области истории, филологии, философии, теологии и культурологии. Накоплен определенный опыт изучения и интерпретации историко-культурного наследия обозначенного в тексте диссертации периода русской культуры. Это XI-XVII века. Проникновение в текстовую ткань источников данного периода, выявление закономерностей и особенностей проявления знаково-символических образов, явленных в слове, актуализация ценностно-смыслового потенциала значимы не только для восстановления целостного видения культуры в пределах заявленного контекста, но и для понимания специфики национальной культуры в ее исторической преемственности. Временная дистанция позволяет Н.Н. Бединой обратиться к рассмотрению словесных (знаковых) кодов в служебных и повествовательных книжных текстах и представить их интерпретацию согласно выбранному вектору. Собственно книжные тексты представляют собой элемент, по которому можно прочитывать, декодировать средневековую русскую культуру (картину мира) как текст с характерными для него доминантами как по вертикали, так и по горизонтали. Слово обладает двойной оптикой: закрепляет в знаковой форме аксиологические составляющие историко-культурного этапа, значимые для повседневной жизни социума, и в то же время оказывает влияние на мировоззрение общества в целом или отдельных сообществ.

Обращение автора к *объекту* исследования – «христианской картине мира в средневековой русской культуре» (с. 25) – вызвано необходимостью осмысления основ духовной культуры в контексте XXI века, понимания идентичности и личностной целостности в условиях эклектично воспринимаемой реальности. В качестве *предмета* Н.Н. Бедина избирает «эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры, объективизированный в христианской книжности» (с. 25). Отметим, что автор акцентирует внимание не на сугубо литературной традиции, а на координатах средневековой русской культуры, полагая, что христианская книжность запечатлевает объективизированный эсхатологический хронотоп. Предлагаемая *цель* отвечает заявленной теме и отражает общее направление исследования, выдвигая на первый план «необходимость выявить закономерности реализации эсхатологического хронотопа в средневековых текстах различного статуса и прагматики, на уровне архитектоники (временных и пространственных характеристик) текста увидеть воплощение

средневекового эсхатологического мировосприятия» (с. 25). Возникает вопрос: мировосприятия *кого?* – того, кто пишет? или того, к кому обращены тексты? или мировосприятия человека этого периода в целом? Субъектная организация важна для интерпретации и анализа книжных источников и литературных текстов, но она и не менее важна для целостного видения культуры и ее описания.

В **задачах** прослеживается этапность выполнения исследования: от методологии – к характеристике особенностей воплощения эсхатологического хронотопа – к описанию динамики развития эсхатологических представлений в средневековой русской культуре в различных источниках и текстах – к описанию преемственности осмысления «последних вопросов» в текстах русской культуры Нового времени. На протяжении нескольких веков, обозначенных Н.Н. Бединой, формировалась жанровая и стилевая структура повествования текстов. И заложенные традиции нашли свое продолжение в содержании русской словесности, а именно в религиозной мысли и литературе Нового времени. Самому описанию преемственности, на наш взгляд, уделено недостаточное внимание автора, что могло бы снять вопрос о том, почему именно «русская культура не выработала светского идеала (И. В. Кондаков)» (с. 5). На страницах русских классиков XIX века решались «проклятые вопросы», «больные вопросы», «великие вопросы»; не менее актуальны и значимы эти вопросы оставались на рубеже конца XIX – начала XX столетия. Задачей 6 Н.Н. Бедина ставит определение иконичного характера восприятия пространства в текстах средневековой культуры Московской Руси. И опять же возникает вопрос – восприятие *кем?* Четкое определение субъекта, по нашему мнению, снимает этот вопрос: культура мыслится как сложно организованная и многоуровневая система, в которой и субъект, и культура взаимообогащают, взаимодополняют и взаимопределяют друг друга. В целом, логика исследования приоткрывает на этой стадии авторский замысел.

Во **введении** соискатель обращается к опыту зарубежных и отечественных научных изысканий в сфере теории медиаистории, а также к большому объему повествовательных книжных источников. Фундаментальный характер освещения проблемы выделяет данное исследование: автор дифференцирует *богословский* корпус текстов (труды В. С. Соловьева, С. Трубецкого, А. А. Жданова, о. Павла Флоренского и др.), *философско-культурологический* (работы С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, В. В. Библихина, И. В. Кондакова, М. Ю. Лотмана, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Й. Хёйзинги и др.), исследования *филологического* толка (М.М. Бахтина, И. Н. Данилевского, К. Д. Зеемана, Д.С. Лихачева, В. Я. Петрухина, А. М. Ранчина, Е. Б. Рогачевской, Т. Р. Руди и др.), исторической направленности (тексты П. М. Бицилли, И. М. Гревса, И. В. Дергачевой, Л. П. Карсавина, В. В. Милькова, Г. П. Федотова и др.). Наряду с частными исследованиями

представлены и методологически важные работы, посвященные феномену европейского и русского средневековья.

Методологически работа строится на историко-антропологическом подходе, «где в центр внимания поставлена человеческая субъективность и различные области исторического знания объединяются вокруг понятия "культура"» (с. 26). Избранные автором другие подходы (герменевтический, семиотический, функциональный) призваны усилить авторскую логику и исследовательскую позицию. Однако вызывает недоумение необходимость в качестве методологической базы выделять методический аспект, а именно – методику аналитического рассмотрения ценностно-смысловых категорий бытия, методику выявления литургического и библейского кода в средневековом тексте, методику концептуального анализа текста, методику описания состава рукописных сборников (с. 26-27). Полагаем, что методический аспект является частью анализа и способа рассмотрения книжного текста в историко-культурном контексте, которые проводятся Н.Н. Бединой в дальнейших главах.

Интересным видится наблюдение соискателя в отношении к прошлому: «В мире духовном действует закон обратной перспективы: последствия идей и верований во времени возрастают. В мире материальном работает закон прямой перспективы: чем дальше мы отстоим от исторических фактов, случившихся прошлым, тем хуже они видны, если не зафиксированы в тексте» (с.28-29). Именно это отношение позволяет «схватить» образ времени и пространства средневековой русской культуры XI-XVII вв. с позиции настоящего. Несомненной ценностью исследования стал корпус избранных автором источников, актуальных для средневековой русской книжной культуры: гимнография, гомилетика и полемические сочинения, агиография, историческое повествование и беллетристика. Их подробный филолого-культурологический анализ представлен в главах диссертации.

В первой главе «Монастырь как квинтэссенция православной культуры», посвящённой историографическому обзору, характеризуется синтез эсхатологически осмысленной аскезы, молитвенного Богообщения и преображающей любви, которые становятся основой монашеского идеала и находят отражение в уставной практике монастырей. Эсхатологическое мироощущение раскрывается через восприятие Евангелия и является определяющим для культуры Древней Руси, поэтому автором закономерно подчеркивается специфика культурной рефлексии в ходе моделирования хронотопа, где субъект зависим от ценностно-смысловых идеалов эпохи. Важная роль отводится монастырям как центрам догматической и аскетической культуры раннего средневековья, а монашеский идеал моделирует пространственно-временные характеристики средневековой русской культуры, которые находят воплощение в объективизируемых вербальных текстах.

Автором отмечается, что до XIV века «тихий антагонизм» (В. В. Розанов) отшельничества и киновии не является вопросом, требующим особого осмысления, поскольку проблема выбора устава и организация монашеской практики известна только в истории Киево-Печерского монастыря. Зато вторая половина XIV – XV вв. отмечена активным обращением к текстам древней аскетической традиции, отражением ее в иконописании, индивидуализацией монашеской молитвенной практики, совпадающей с общежительной реформой русского монашества, что рассматривается на примерах свт. Алексия и преп. Сергия Радонежского.

Во **второй** главе «Хронотоп служебного текста» Н.Н. Бедина констатирует, что общие богословские характеристики христианского богослужения (эсхатологичность и соборность) определяют специфику свойств хронотопа богослужебного текста. Жанровые особенности характеризуемых текстов позволяют автору сделать вывод об особенностях каждого в контексте культуры Древней Руси, поскольку именно жанр становится формой запечатления реальности, формой каноничного построения текста. Однако и стиль для книжной традиции русского средневековья оказывается не менее значим. Соотношение жанра и стиля выстраивается таким образом, что каждый из них воздействует и определяет друг друга. Словесная ткань текстов анализируется соискателем с филологическим пристрастием и аккуратностью. Пространственно-временная организация книжных текстов запечатлевает мироощущение, характерное для культуры Древней Руси, а также становится «неподвижным» фактом истории и в то же время событием, подталкивающим к рефлексии ценностно-смысловых доминант духовной культуры последующих эпох.

Третья глава «Хронотоп четъего (повествовательного) текста», как и предыдущие, демонстрирует исследовательскую состоятельность Н.Н. Бединой в процессе анализа вербального текста. Позволим себе усомниться в том, что вербальный текст является воплощением объективизированного смысла, поскольку жанрово-стилевая специфика разнокачественных текстов связана и авторским видением христианских ценностей и смыслов, а объективизированное повествование преломляется в высказанном субъектом *слове*. Тем более, что в выводах автор отмечает, что «служебные и повествовательные тексты являются концентрированным выражением средневековой культуры, говорящие о ней от первого лица: буквально, точно, образно» (с. 205). В чем собственно выражается объективизация позиции субъекта и/или ценностей и смыслов?

Прослеживая изменения, происходящие на уровне книжного хронотопа, автор отмечает динамику в образно-стилевой структуре текста, средств изобразительности. Библейско-литургическая традиция приобрела особое звучание к XVI веку русского средневековья за счет «изобразительно-мистериальной специфики средневековой религиозности» (с. 208).

Четвертая глава «Иконические образы пространства в текстах культуры XVI–XVII вв.» отмечена, в след за А.Я. Гуревичем, исследователем как этап, на котором происходит обращение к субъектной организации, когда «пространство и время не только существуют объективно, но и субъективно переживаются и осознаются людьми»¹. В анализе автор преодолевает границы книжного хронотопа и выходит за его пределы, обращая внимание и на «внешнюю» составляющую культуры – храм, образ «святого места», «святого града», «сад».

Н.Н. Бедина убеждает нас в том, что «текстовый (книжный, вербализированный) источник имеет некоторые преимущества перед археологическим или архитектурным источником» (с. 219), поскольку он решает коммуникативные задачи, которые определяют характер социальных связей, выстраивание субъектной организации в повествовательных текстах и книжных источниках. Согласимся и с тем, что «принципы иеротопического творчества не являются застывшей структурой, но развиваются и трансформируются, отражая в себе мировоззрение эпохи» (с. 252).

В заключении автором делаются выводы, соответствующие поставленным задачам и отражающие логику исследовательского дискурса. Несомненным подтверждением состоятельности научно-исследовательской работы Н.Н. Бединой являются **наблюдения**, представленных в диссертации, их содержательная выверенность, композиционная стройность теоретических и аналитических глав.

Научная новизна состоит в том, что автор предлагает рассматривать христианскую эсхатологию как не ожидание смерти, а исповедание ее преодоления, исповедание Преображения мира и человека; существующую и значимую связь между эсхатологическим сознанием средневековья и феноменом монашества, состоящую в реализации эсхатологического идеала Преображения в монастырской уставной практике; реализацию особенностей хронотопа на жанрово-стилевом уровне и характере их восприятия в контексте средневековой культуры Древней Руси. На основе заявленных методов и подходов предлагается авторское видение специфических черт мироощущения и мировосприятия эпохи XI–XVII вв.

Диссертация **написана автором самостоятельно, единолично**, она своей композиционной логикой и содержательной выверенностью свидетельствует о существенном **личном вкладе автора в науку**.

Структура и композиция работы позволяет оценить прозрачность авторского замысла: теоретические материалы репрезентативны и выводы по ним экстраполированы в практику анализа текстов. Однако текст изобилует тяжеловесными цитатами книжных произведений.

---

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 44.

Отметим также и нецелесообразность представления публикаций автора, так как это является обязательной частью автореферата.

Знакомство с работой убеждает в высоком потенциале **практического использования материала диссертации**, как в последующих научных исследованиях, так и в практической деятельности: научной – культурологической, филологической, теологической и прикладной – культурно-просветительской.

Содержание автореферата и опубликованных трудов (39 – в изданиях с Российским индексом цитирования (РИНЦ), 4 – в изданиях с международным индексом цитирования, 5 опубликованы в зарубежных изданиях, 27 – в журналах из списка ВАК РФ, в том числе 17 по специальности 24.00.01 – теория и история культуры) отражает основные идеи, промежуточные и итоговые выводы, к которым диссертант пришел в процессе работы над текстом на этапах его написания.

Положения, выносимые на защиту, концептуально и методологически значимы, в них прослеживается авторская логика проведенного исследования в целом. Выше сказанное, на наш взгляд, свидетельствует о завершенности, целостности и ясности представленного труда соискателя.

Необходимо отметить, что работа содержит дискуссионные **положения**, вызывает **ряд вопросов**, связанных с перспективой осмысления обозначенной проблемы:

1. Насколько целесообразно введение методических аспектов анализа в описание методологии и методов исследования? Вопрос возник в процессе знакомства с текстом и отмечен в структуре отзыва.
2. Какие принципиальные отличия автор выделяет, говоря о сравнительно-историческом и историко-культурном методах (с. 26)? Как автор их соотносит на страницах исследования?
3. В формулировке цели обозначено выявление закономерностей реализации эсхатологического хронотопа (с. 25). На наш взгляд, необходимо более жестко выделить эти закономерности и представить их значимость для последующих эпох отечественной культуры.
4. В тексте диссертации автор неоднократно говорит о мировосприятии, запечатленном в книжных текстах. Следует более четко артикулировать, о чьем мировосприятии идет речь и как оно соотносится с общим образом эпохи культуры Древней Руси?

В целом, ответы на поставленные вопросы прояснят концептуальные положения:

1. Что автор понимает под кодом культуры и, в частности, кодом культуры русского средневековья?
2. Текстологический и филологический анализ несколько «затемняют» культурологическую интерпретацию кодов

культуры выбранного периода. Характеристика междисциплинарных связей входит в содержание работы, но не позволяет в полной мере выйти за пределы книжного хронотопа, тогда как культура мыслится гораздо шире, чем запечатление кодов в слове. На наш взгляд, наличие других векторов анализа культурных практик, не только связанных со *словом*, укрепило бы позицию автора и позволило бы раскрыть спектр связей *слова* и зодчества, *слова* и повседневно-бытовых практик, *слова* и коммуникаций на горизонтальном и вертикальном уровнях.

3. Как автором прослеживается влияние эсхатологического хронотопа русской средневековой культуры на тексты и практики культуры Нового и Новейшего времени?
4. В чем ценность данного исследования относительно эсхатологического хронотопа для формирования культурной идентичности личности в условиях современности? Вопрос носит дискуссионный характер, но вызван тем, что в описании актуальности исследования автор останавливается на этом, но в дальнейшем повествовании и выводах особое внимание на нем не акцентируется.

Отметим, что автором проведена сложная и скрупулезная работа по систематизации и репрезентации материалов, которые приводятся в диссертации. Текст отличается грамотностью изложения материалов и корректностью приведения цитат.

Анализ данного диссертационного исследования позволяет прийти к заключению о том, что диссертация Н.Н. Бединой «Эсхатологический хронотоп средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах» представляет собой самостоятельное исследование, содержащее решение задач, имеющих особую значимость для теории и истории культуры в контексте современности, а также сохранения и трансляции наследия отечественной культуры.

Диссертационное исследование, посвященное эсхатологическому хронотопу средневековой русской культуры в служебных и повествовательных книжных текстах, соответствует паспорту специальности 24.00.01 – теория и история культуры, а именно пунктам: 1.6. – Культура и цивилизация в их историческом развитии, 1.9. – Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, 1.12. – Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре, 1.24. – Культура и коммуникация.

Представленное к защите исследование в полной мере соответствует заявленной научной специальности, отличается актуальностью, научной новизной и достоверностью полученных результатов, соответствует требованиям, установленным п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября

2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней». Автор диссертационного исследования Бедина Наталья Николаевна заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Официальный оппонент

Симбирцева Наталья Алексеевна

доктор культурологии

(специальность 24.00.01 – Теория и история культуры),

заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии

Института общественных наук

ФГБОУ ВО «Уральский государственный

педагогический университет»,

доцент

16.11.2020

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

Телефон: +7(903) 0855125

e-mail: Simbitrtseva.nat@yandex.ru

Симбирцев Н.А.

дир. Чернорогова